

УДК 272.5

Никонов В. В.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЛОНО ЦЕРКВИ В 1923 Г. ПРИХОДОВ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ, УКЛОНИВШИЕСЯ В ОБНОВЛЕНЧЕСКИЙ РАСКОЛ

Аннотация: В статье рассматриваются обстоятельства возвращения в лоно Патриаршей Церкви духовенства, приходских советов и прихожан, уклонившихся в обновленческий раскол, сразу после его формирования. Массовое вовлечение приходов в обновленческое движение имело место в период с мая 1922 г. до июня 1923 г., когда патриарх Тихон, будучи освобожденным из-под ареста, вернулся к фактическому управлению Церковью. Анализ прошений, адресованных на имя Патриарха и викария Московской епархии Илариона (Троицкого), позволяет реконструировать методы вовлечения духовенства и верующих в обновленческий раскол. Автор приходит к выводу, что обновленческое движение, направленное на разрушение целостности Церкви, в определенной степени достигло своей цели, расколов значительную часть приходов изнутри, инспирировав конфликтные ситуации между священнослужителями и прихожанами по линии отношения к так называемой «красной церкви».

Ключевые слова: обновленческий раскол, православный приход, приходской совет, патриарх Тихон, красная церковь.

Сведения об авторе: Никонов Вадим Вадимович – доктор исторических наук, кандидат педагогических наук, доцент кафедры истории Церкви Коломенской духовной семинарии, доцент кафедры истории и организации архивного дела Российского государственного гуманитарного университета (nikonova-box2009@yandex.ru).

Обновленческий раскол можно считать главным и наиболее разрушительным расколом в Православной Российской Церкви в ряду инспирированных большевиками в 1920-х гг. Начало активной деятельности обновленцев следует отнести к маю 1922 г., когда при негласной поддержке ГПУ НКВД РСФСР состоялось учредительное собрание так называемой «Живой церкви». С этого времени, в течение второй половины 1922 г. и начала 1923 г., наблюдается активный рост числа приходов, которые по разным причинам уклонялись в обновленчество. Анализу причин, по которым это происходило, посвящена предлагаемая статья¹.

Выход приходов Московской епархии из обновленческого раскола после освобождения патриарха Тихона летом 1923 г.

После освобождения патриарха Тихона в 1923 г. из-под ареста началось массовое возвращение в лоно Церкви духовенства, которое

¹ Данная статья отражает результаты исследования, проведенного автором в рамках подготовки докторской диссертации: Никонов В. В. Политика советского государства в отношении православных церковных приходов в Московской губернии/области в 1918–1958 гг.: дисс. ... д-ра ист наук: 5.6.1. Москва, 2024. 765 с.

по тем или иным причинам оказалось вовлеченным в обновленческое движение. Обстоятельства вовлечения в обновленчество приходского духовенства, а также реакция приходских советов и отдельных прихожан на факты уклонения в раскол священнослужителей, представляются важными, так как позволяют составить представление о том, какими методами пользовались обновленцы для склонения духовенства и верующих на свою сторону. Эта информация отразилась в фонде 831 (Канцелярия патриарха Тихона и священного Синода) РГИА в составе прошений приходов, отпавших в обновленчество.

Прошения о принятии в каноническое общение содержат описание причин, по которым происходило отпадение в раскол. Кроме того, в прошениях часто содержится информация о позиции, которую занимали церковные советы и прихожане в отношении обновленчества, и как эта позиция проявлялась в случаях, если настоятель и клирики храма принимали новый церковный порядок.

Заметную долю в общем числе всех обращений к церковноначалию занимают прошения, состоящие из нескольких документов: прошение священнослужителей, прошение церковного совета и иногда отдельное прошение от прихожан, что позволяет составить более полное представление об обстоятельствах приходской жизни в период с весны 1922 г. по лето 1923 г., когда обновленческое движение насаждалось наиболее агрессивно.

Большинство обращений, отложившихся в двух делах упомянутого фонда, имеют своими авторами духовенство и прихожан Московской губернии и примерно 30–40 % из других регионов. Следует отметить, что именно г. Москва и Московская губерния, а в дальнейшем – Московская область были территорией, на которой приходов обновленческой ориентации утвердилось относительно, а в некоторых случаях и в абсолютных цифрах меньше, чем в иных краях и областях, среди которых были такие, где приходов, как упоминалось в документах тех лет, «тихоновской», или «староцерковной», ориентации не оставалось вовсе. Выражение «утвердилось» нами употреблено не случайно, ибо первоначальное массовое вовлечение приходов в обновленческий раскол вскоре после освобождения патриарха Тихона прекратилось, и многие уклонившиеся священнослужители поспешили вернуться в юрисдикцию Патриаршей Церкви. Если исходить из предположения о том, что именно в Московском регионе этот процесс происходил наиболее активно, то относительно малое число обновленческих приходов, зафиксированное здесь в середине 1930-х гг., вполне объяснимо. То, что большинство прошений были составлены на приходах Московской области, определило их второго адресата. Примерно в половине случаев прошения написаны не на имя Патриарха, а на имя управляющего Московской епархией епископа (позже – архиепископа) Верейского Илариона (Троицкого), будущего священномученика, который во второй половине 1923 г. ненадолго оказался на свободе и смог принять деятельное участие в процессе возвращения отпавших священников и приходов в церковную юрисдикцию.

В чем конкретно выражался факт отпадения от Церкви в обновленчество и каковы были методы вовлечения в него духовенства

и прихожан? Помимо фактического признания самопровозглашенной церковной власти и отхода от законно избранного Патриарха Всея России, отпадение сопровождалось рядом действий, формально его утверждавших. Прежде всего речь шла о прекращении поминовения на богослужениях имени патриарха Тихона и возгласении (в некоторых случаях) имен обновленческих лжеархиереев. Кроме того, в 1923 г. обновленческим духовенством при поддержке гражданских властей готовился обновленческий собор, в процесс подготовки к которому власти стремились вовлечь максимальное число духовенства и верующих, так как участие в подготовительных мероприятиях, по представлениям властей и обновленцев, делало собор полномочным. Для участия в мероприятии по приходам рассылались бланки специальных анкет, после заполнения которых их следовало отсылать в обновленческий синод. Очевидно, что сам факт заполнения анкет делал священников и прихожан соучастниками обновленческого собора². Одновременно с заполнением анкет происходил фактический выбор делегатов на собор. Требуемыми покаяния признавались также факты сослужения православного духовенства вместе с обновленцами, прием от обновленческого епископата наград, чинов и назначений на приходы и кафедры. Перечисленные признаки были формальными, по которым определялось отношение прихода к обновленческому движению и делался вывод о его лояльности.

Обновленцы, одним из нововведений которых была возможность для белого духовенства возводиться в епископское достоинство, активно этим пользовались. Ниже будут приведены примеры того, как такие поставления производились и какие повышения предлагались нестойким священникам для склонения их в раскол. Одновременно с этим обновленцами практиковались совместные службы в храмах с участием архиереев или духовенства, примкнувшего к обновленческому движению, что для духовенства Патриаршей Церкви было недопустимым и требовало покаяния.

В обращениях на имя Патриарха всея России и управляющего Московской епархией упоминались и иные факты, свидетельствовавшие о формальном признании обновленчества на православных приходах, но главное, что объединяет не менее 80% всех прошений, – это уверения в том, что обновленцам удалось склонить на свою сторону священнослужителей и прихожан угрозами, а чаще всего – обманом. Обман состоял в убеждении верующих и духовенства, что патриарх Тихон от церковной власти отрекся и именно обновленцы сосредоточили в своих руках всю ее полноту.

Таким образом, основными методами вовлечения в обновленчество были следующие: прямой обман, заключающийся в распространении ложной информации о положении Церкви и патриарха; угрозы преследованием, в том числе уголовным, за отказ от участия в расколе; прельщение наградами, чинами и назначениями. Все перечисленные методы активно практиковались, а возможность и необходимость уголовного преследования в самом начале 1923 г. (т.е. еще до массового выхода из раскола) декларировалась на уровне

² Чернова Е. Л. На пути к обновленческому поместному собору 1923 г.: к истории подчинения Московских приходов // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2013. № 9 (110). С. 135–144.

ЦК РКП (б): «В области борьбы с церковной контр-революцией... рассмотрен ряд дел о представителях духовенства и мирян, уличенных в активной борьбе с церковно-обновленческим движением под тихоновскими лозунгами, и дано соответствующее заключение о них на предмет ссылки или заключения в тюрьму»³.

Классификация прошений о возвращение в лоно Патриаршей Церкви

Анализ прошений 1923–1924 гг. духовенства и церковных советов о возвращении в патриаршую Церковь из обновленческого раскола позволяет разбить их на четыре категории.

К *первой* можно отнести пространные прошения священнослужителей, подробно изложивших обстоятельства их уклонения в обновленчество, раскаявшихся и покорнейше просивших о прощении и о принятии в церковное общение. Среди прошений, относимых к первой категории, особое место занимают такие, где описываются попытки подкупа обновленцами священнослужителей внеочередными награждениями или рукоположениями в архиереи.

Вторая категория прошений в контексте настоящего исследования представляет наибольший интерес. Это обращения к церковноначалию, в которых отражен конфликт духовенства, поддержавшего обновленчество, с приходом, который эту поддержку отверг. Подобные случаи не были частыми, но и единичными их назвать нельзя. Некоторое число таких прошений можно одновременно отнести к первой и второй группам.

Третью категорию составляют краткие прошения, в которых члены причта иногда совместно с приходским советом, иногда без него просят патриарха или управляющего Московской епархией принять их под свое окормление, упомянув, что причиной прошения является временное уклонение в обновленческий раскол, но не сообщая, в чем именно заключалось это уклонение и какими причинами оно было вызвано. Такие прошения встречаются наиболее часто.

И наконец, к *четвертой* категории отнесем прошения, где духовенство и прихожане свидетельствовали перед патриархом, что, несмотря на давление со стороны властей, в раскол они не уклонились и новую церковную власть не признали. Доля таких прошений составляет по нашим оценкам около 10–15% от общего числа попавших в поле нашего рассмотрения.

Прошения I категории

Рассмотрим некоторые наиболее показательные случаи вовлечения церковных приходов и духовенства в обновленчество, отнесенные нами к *первой категории*.

В ряде случаев причинами уклонения православного духовенства в обновленческий раскол становились декларируемые идеологами обновленчества идеи реформирования и модернизации церковного

³ Отчетный доклад Антирелигиозной комиссии ЦК РКП(б) в Политбюро ЦК РКП(б) о проделанной работе. 1 января 1923 г. // АПРФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 12. Л. 51–53. Цит. по: Архивы Кремля. в 2-х кн. / Кн. 1. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. М., 1997. С. 350.

устройства, показавшиеся привлекательными для некоторых священнослужителей. В конце 1922 г. один из лидеров обновленческого движения В. Красницкий, выступая на собрании духовенства 4-го отделения Замоскворецкого сорока г. Москвы и призывая принять участие в выборах на обновленческий собор, обрисовал задачи обновленческого движения так: аполитичность Церкви, восстановление белого епископата из вдовых священников, уничтожение якобы существовавшего произвола приходских советов, освобождение духовенства от экономической зависимости прихода. Так как эти задачи, по уверению обновленческого деятеля, «церковным канонам не противоречили», некоторые представители духовенства согласились на предложенных условиях производить выборы⁴. Новая программа встретила поддержку, и многие священнослужители примкнули к живоцерковникам. В числе благосклонно воспринявших идеи обновленцев оказался настоятель московской Троицкой на Шаболовке церкви протоиерей Константин Скворцов. В дальнейшем, когда, по его словам, «среди обновленцев произошел распад, и единство Церкви и мира было разрушено», он изменил свою позицию и даже уверял, что предпринимал все возможные меры к тому, чтобы или свести на нет, или ослабить те постановления ВЦУ⁵ и МЕУ⁶, которые «больно отражались» на приходской жизни, но это не отменяло его первоначального увлечения обновленческой программой.

Подобная аргументация присутствует в прошении о приеме в каноническое общение с патриархом соборного протоиерея города Дмитрова Московской губернии Георгия Богословского, который пишет, что обновленческое движение, как оно протекало за первое время своего существования, казалось ему приемлемым, ибо задачи «Живой Церкви» представлялись ему «не противоречащими канонам церковным»⁷. На этом основании он счел для себя возможным «взойти во внешнее общение» с ВЦУ и МЕУ. Однако вскоре, как это произошло и в случае с настоятелем Троицкого храма на Шаболовке, он вынужден был пересмотреть свою позицию, особенно после решений обновленческого собора 1923 г., когда он «отмежевался в душе» от этого движения, обнаружив, что «народная масса не разделяет» этого движения и видит в нем опасность для Церкви. В его прошении упомянута одна из причин, по которой он отмежевался от обновленчества: неприемлемость его для «народной массы», то есть прихожан.

Примером давления на приход со стороны властей являются события, произошедшие в московском Сергиевском храме в Пушкинских. Здесь, по словам его настоятеля протоиерея Николая Толгского, потомственного священнослужителя и будущего священномученика⁸, обновленцам дважды удавалось организовать

⁴ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 197. Л. 29–30.

⁵ Высшее церковное управление – высший управленческий орган обновленческой иерархии.

⁶ Московское епархиальное управление – епархиальный управленческий орган обновленческой иерархии.

⁷ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 20–21.

⁸ Никонов В.В., Шабанова И.Е. Покровский храм с. Игумнова Раменского района. Исторический очерк. Гжель, 2015. С. 356–382.

богослужения с участием своих епископов, что, как будет показано в дальнейшем, в рассматриваемый период становилось их постоянной практикой. В первый раз это произошло в 1922 г. на храмовый праздник 25 сентября/8 октября, в день памяти преп. Сергия Радонежского. Служил обновленческий епископ Иван Альбинский – фигура, заметная в истории обновленческого раскола, член ВЦУ и будущий обновленческий архиепископ Нижегородский и Владимирский. В это время оба клирика храма – и протоиерей Николай Толгский, и второй священник Сергей Лебедев – находились в Бутырской тюрьме, и, таким образом, в том, что в Сергиевском храме служил обновленческий епископ, настоятель виновен не был, но, тем не менее, отец Николай Толгский этот факт счел необходимым отметить в своем докладе на имя епископа Илариона. Вскоре после инцидента протоиерей Николай Толгский был освобожден. Приближался еще один престольный праздник Сергиевского храма – день памяти святителя Митрофана Воронежского (23 ноября/6 декабря), и в этот день приходской совет предложил пригласить для возглавления богослужения епископа Уральского (в дальнейшем митрополита) Тихона (Оболенского), известного своим отрицательным отношением к обновленчеству. ВЦУ это, разумеется, не устраивало, и оно всячески стремилось организовать приезд своего «архиерея». Однако, понимая, что настоятель может воспротивиться, к нему подослали прихожанина его же прихода, некоего Гаврилу Бутыгина, который, когда понял, что отец Николай не желает приезда обновленцев, стал ему угрожать, заявляя, что священника, состоявшего под судом и следствием «за контрреволюцию», он, Бутыгин, вновь упрячет в тюрьму и на его место при содействии ВЦУ устроит «другого попа, уже нашего». Бутыгин настаивал на том, что в храме будет служить «митрополит» Антонин (Грановский⁹ – В.Н.), и угрожал настоятелю в случае, если тот будет противиться¹⁰. Однако отец Николай Толгский проявил твердость. При этом усилия обновленцев не прекращались, ибо, как пишет настоятель, в дальнейшем ему удавалось несколько раз отклонить от своего храма служение лжемитрополита Антонина. Этим не исчерпывались проступки, в которых настоятель каялся перед священноначалием. Оказывается, в то время, когда в Сергиевском храме служил лжемитрополит Антонин, к нему обратилась делегация из местных прихожан, которая поднесла ему наперсный крест, попросив Антонина возложить его на отца Николая. По его словам, он всячески противился этому и сдался только после долгих убеждений со стороны прихожан. Этот крест «жег ему совесть», и он его вскоре продал, почему и просил епископа Илариона снять с его совести «тяжесть малодушия»¹¹.

Приведенные сведения содержат два важных момента. Во-первых, отсюда следует, что обновленческий митрополит Антонин

⁹ Антонин (Грановский Александр Андреевич, 1865–1927). Потомственный священнослужитель, епископ Православной Российской Церкви с 1903 г. В 1921 г. был запрещен в служении патриархом Тихоном. Один из основателей обновленческого движения, в 1922–1923 гг. «митрополит Московский», с 1923 г. «митрополит Московский и всяя Руси». От возвращения в лоно Церкви через покаяние отказался.

¹⁰ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 6, 6 об.

¹¹ Там же.

(Грановский) все-таки служил в Сергиевском храме, несмотря на сопротивление причта. И, во-вторых, что он возложил на настоятеля наперсный крест, символизируя таким образом признание последним обновленческой иерархии и своего места в ней (подчиненного положения пресвитера по отношению к епископу). И, что представляется особенно важным, этот крест поднесли ему прихожане. Следовательно, приход целиком или, во всяком случае, значительная его часть обновленцев поддержали.

В некоторых случаях попытка подкупа священнослужителей наградами предпринималась обновленцами в отсутствие награждаемых. Видимо, сам факт награждения рассматривался ими как согласие последних на уклонение в раскол. Настоятель Николаевской в Кошелях церкви священник Михаил Смирнов обратился к управляющему Московской епархией с раскаянием за допущенную во время заключения патриарха и правящих законных епископов видимую подчиненность самозваному обновленческому церковному управлению. Возвращая полученные без его личного участия награды, он, не признавая их каноничности, просил благословения на дальнейшее служение без таковых¹². Прощение поддержали и прихожане, которые, надо полагать, и приняли награду за настоятеля¹³.

В деле имеются документы, свидетельствующие о том, с каким размахом вручались такие награды¹⁴. Письмо о награждении священника Михаила Смирнова саном протоиерея отпечатано на бланке обновленческого Московского епархиального управления, на котором указана дата: 25 мая 1923 г. Само награждение состоялось в храме Христа Спасителя¹⁵, за год до этого переданного обновленцам, причем рапорт о награждении отца Михаила Смирнова входит в противоречие с его собственным свидетельством о том, что награда не была получена им лично. Между тем на документе имеется пометка, что указ о награждении, в соответствии с действовавшими делопроизводственными нормами, 28 мая 1923 г. был получен благочинным церковного округа, к которому относился Никольский в Кошелях храм. Отметим, что описанные события происходили всего за месяц до освобождения патриарха Тихона.

Для обновленцев был важен сам факт награждения священнослужителей «тихоновской» ориентации, для чего они шли на различные ухищрения, иногда вводя в заблуждение награждаемых. Так, священник Богородице-Рождественского храма г. Коломны отец Николай Канардов был представлен к очередному награждению набедренником епископом Коломенским Феодосием (Ганицким). В 1922 г. владыка Феодосий был арестован по делу об изъятии церковных ценностей, и награждение не состоялось. Зная об этом, коломенские обновленцы решили сами наградить отца Канардова, причем не только набедренником, но сразу и скуфьей, хотя между этими двумя наградами по церковным правилам должно пройти определенное время. Здесь в полной мере отразилась характерная для обновленцев

¹² РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 8.

¹³ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 7.

¹⁴ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 9.

¹⁵ Там же.

«щедрость» на награждения, к сожалению, рассчитанная, и не безосновательно, на готовность некоторых священнослужителей к принятию таковых. Между тем священник Николай Канардов не мог не знать, что единовременное награждение двумя символами священнического служения не практикуется, но не устоял. Местный благочинный, по его словам, представил его, наравне с прочими живоцерковниками, к награждению набедренником и скуфьей на основании того, что он был представлен к таковой награде епископом Феодосием Коломенским еще прежде, но в связи с его «отозванием из Коломны группой ВЦУ» дело осталось неоконченным, а поэтому и представили его уже живоцерковники, которые и наградили к празднику Святой Пасхи. Он же согрешил по незнанию и принял награду, «даже дерзнул надевать набедренник и скуфию», в чем и приносил раскаяние¹⁶. Необходимо отметить, что в своем прошении арест коломенского епископа, о котором он, также как настоятель городского храма, не знать не мог, священник называет «отозванием из Коломны», что говорит о роли обновленцев в репрессиях против духовенства.

Для принуждения к общению с ними обновленцы не гнушались никакими средствами и зачастую использовали в своих целях тяжкие жизненные обстоятельства, в которых по разным причинам оказывались священники. Так, пожилой протоиерей Александр Крылов, бывший священником на протяжении 30 лет, последние годы служил в Скорбященской при больнице братьев Бахрушиных церкви Сретенского сорока города Москвы. Однако, согласно постановлению о ликвидации домовых церквей, храм был упразднен, и он остался без места. Будучи обременен большим семейством, отец Александр вынужден был обратиться с просьбой о месте к обновленческому церковному управлению. Начались принуждения вступить в партию ЖЦ или СОДАЦ¹⁷, обещания наградить митрой. Затем ему предложили на выбор два прихода на совершенно неподходящие священнические места, так как предполагалось «брать их захватом», чего он, по его собственным словам, не хотел и не умел делать¹⁸.

В документе отражены два характерных приема, которыми пользовались обновленцы. Во-первых, это «польщение митрой», то есть обещанием даровать митру и получить право называться митрофорным протоиереем, и, во-вторых, прямо указывается, что одной из форм перехода православного храма в обновленчество был захват, который, согласно новейшим исследованиям, использовался при постоянной поддержке властей¹⁹. Отказавшись от обоих предложений, священник немедленно получил третье, заключавшееся в том, чтобы поехать в качестве уполномоченного обновленческого епископа в Нижний Новгород. Правда, для этого требовалось фиктивно развестись с женой и оставить семью. Отвергнув и это,

¹⁶ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 95.

¹⁷ ЖЦ (живая церковь), СОДАЦ (союз общин древлеапостольской церкви) – названия обновленческих структур 1920-х гг.

¹⁸ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 81, 81 об.

¹⁹ Чернова Е. Л. Распространение обновленчества в Москве в 1920-е годы: топографический аспект // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2012. № 6 (86). С. 121–133.

отец Александр, по его словам, остался ежедневно сидеть на табурете в Сергиевской часовне и ждать, когда кто-либо по ошибке зайдет в «красную часовню» и попросит молебен²⁰. В приведенном фрагменте, помимо того, что в нем описывается отношение обновленцев к тем, кто не пожелал воспользоваться их предложениями, содержится выразительное свидетельство о том, как на самом деле рядовые верующие относились к обновленческим храмам и часовням. Протоиерей Крылов, указывая, что в «красную» часовню если кто-то и зайдет, то только «по ошибке», фиксирует это отношение.

Прощения II категории

В прошениях, отнесенных нами *ко второй категории*, содержатся описания внутрприходских конфликтов в связи с уклонением в обновленческий раскол духовенства. К этой категории следует отнести ситуацию, сложившуюся в подмосковном Николо-Перервинском монастыре, один или несколько храмов которого имели статус приходских и имели церковный совет. Прихожане в обновленчество не уклонились, а духовенству пришлось каяться. В деле сохранилось прошение на имя патриарха Тихона от иеромонаха Сергия и иеродиакона Макария, в котором они просили принять их в церковное общение, сознавая свою вину в том, что однажды приняли участие в богослужении со ставленником «Живой Церкви»²¹. Игумен монастыря Варнава отдельным прошением к просьбе священнослужителей присоединился, но про себя ничего не написал²².

Члены церковного совета 1-го состава Елизаветинского на Дорогомиловском кладбище храма рапортовали, что они, вступив в управление церковью в 1918 г., не уклоняясь шли за патриархом вплоть до «вторжения ВЦУ», и когда последнее стало требовать от них признания, то они, все 20 человек, категорически отказались и за это особым приказом ВЦУ были отстранены от членства в совете²³. Однако после освобождения патриарха, когда настало время всеобщего покаяния за уклонение в обновленческий раскол, священнослужители Елизаветинского храма также «потянулись в Донской монастырь», где размещалась патриаршая резиденция и куда отправлялись покаянные письма с просьбой допустить до церковного общения. Но церковный совет воспротивился этому, отправив на имя патриарха фактический донос на собственное духовенство, о чем подробнее будет сказано ниже.

В ряде приходов дело доходило до прямой конфронтации между причтом и прихожанами. Такие случаи фиксируются в виде многочисленных жалоб на духовенство, уклонившееся в раскол. Противостоянием между приходским советом и причтом закончилось признание настоятелем Воскресенской села Карпова церкви Дмитровского уезда Московской губернии Иваном Федоровичем Лавровым обновленческого епископата, что отразилось в прошении

²⁰ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 81, 81 об.

²¹ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 44.

²² Там же. Л. 45.

²³ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 197. Л. 59, 59 об.

прихожан о его удалении. Прихожане докладывали, что священник Иоанн Лавров проявил себя защитником и исполнителем еретического учения, чем произвел раскол в приходе. Когда же члены совета стали обличать его в ереси, то оказались «оплеванными от еретика». Он, Лавров, не поминал православных архиереев, говорил соседним священникам, чтобы те признали ВЦУ, обещал ссылку церковному старосте своего прихода и, будучи «еретическим благочинным», срочно требовал заполнения обновленческих анкет²⁴. На прошении отсутствует резолюция епископа Илариона (Троицкого), на имя кого оно было адресовано, и остается неизвестной дальнейшая судьба священника Лаврова, однако его угрозы ссылкой церковному старосте говорят о том, насколько глубоким было противостояние.

Обращают на себя внимание случаи, когда духовенство, уклонившееся в раскол, под влиянием более стойких в вере прихожан и прислушавшись к их мнению, меняло свои взгляды и находило в себе силы не только вернуться в лоно патриаршей Церкви, но и публично раскаяться в своих заблуждениях. Так, настоятель Предтеченского храма села Фрянова Богородского уезда Московской губернии священник Николай Кудрявцев сетовал, что, не бывая по несколько лет в Москве и не получая никаких духовных журналов, подчинился обновленцам и принял собор 1923 г., о деяниях которого благочиние информировал уполномоченный от ВЦУ по Богородскому уезду священник Евгений Афанасьевич Уберский(?), убедивший его примкнуть к обновленческой «Живой Церкви»²⁵. Вскоре состоялось приходское собрание, на котором отец Николай сделал попытку вовлечь прихожан в обновленческое движение, однако поддержки не нашел. Более того, приходской совет выразил свою позицию настолько твердо, что священник вынужден был отправиться в Москву, где имел беседу с одним из епископов патриаршей Церкви, который и убедил его в правоте прихожан.

Описанный случай не был единственным. В Дмитровском уезде духовенство одного из благочиний в полном составе не только обратилось из раскола по настоянию прихожан, но и публично покалось перед своими пасомыми²⁶.

Факты покаяния перед прихожанами фиксируются во многих прошениях. В ряде случаев они становятся основанием для того, чтобы приходские советы выходили с прошениями на имя патриарха или управляющего Московской епархией с просьбой о возвращении в лоно Церкви уклонившихся в раскол священнослужителей. Так, не само духовенство за себя, а приходской совет московского Петропавловского храма на Солдатской улице в Лефортове просил принять настоятеля Николая Скворцова, протоиерея Александра Озерецковского и других членов причта, а через них и весь приход Петропавловской церкви в церковное общение, свидетельствуя, что как священник Николай Скворцов, так и протоиерей Александр Озерецковский 17/30 июня за церковной службой перед народом церковным раскаялись в своем подчинении распоряжениям ВЦУ

²⁴ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 197. Л. 38.

²⁵ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 41.

²⁶ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 54–55.

и дали обещание ни в каком общении с таковым не состоять²⁷. При этом в деле присутствует и прошение самих священнослужителей, но оно содержит лишь утверждение о том, что в глубине души они обновленческому движению не сочувствовали, а теперь и вовсе порывали с ним всякую связь.

За своего диакона и псаломщика просят прихожане и церковный совет Спасского храма села Ведерницы Дмитровского уезда Московской губернии, уверяя, что те искренно раскаиваются. Кроме того, просят простить их весь приход за то, что имели молитвенное общение с уклонившимися²⁸.

В тех случаях, когда, несмотря на увещания со стороны прихожан, духовенство продолжало упорствовать в своих заблуждениях, приходские советы порывали с ними общение. Так произошло в Николо-Голутвинском приходе в Москве, где 27 июня 1923 г. члены приходского совета, а также прихожане, собравшись, обсудили вопрос «о неканоничности нового церковного управления», постановили порвать духовную связь с настоятелем храма Г.И. Добронравовым, как членом этого управления²⁹.

Прощения III категории

Стандартной формой покаяния в уклонении в обновленческий раскол без упоминания обстоятельств произошедшего (эти прощения отнесены нами к *третьей группе*) можно считать такие заявления, как, например, прошение причта Троицкого собора г. Клина, где кратко отмечалось, что они искренне раскаивались в том, что подчинялись распоряжениям так называемого ВЦУ.³⁰ Или причта Ильинской села Левтова церкви Московской губернии и уезда, который, не имея возможности вследствие отдаленности от станции, а также необходимости сельских работ следить за ходом церковных событий, «слепо подчинился» распоряжениям новой церковной власти³¹.

Члены церковного совета московского Софийского храма в Миуссах раскаивались в том, что подписали документ о своем признании «Живой Церкви», но сделали это лишь формально, и просили принять их в церковное общение.³² Между тем вскоре, уже в 1924 г., в этом храме была вновь сформирована обновленческая община, на сей раз зарегистрированная официально. Верующие обратились в Наркомат юстиции с ходатайством о скорейшем разрешении вопроса о возвращении им отобранного у них незаконно храма. При регистрации собственной общины обновленцы нашли среди мирян сторонников, что позволило им оформить религиозную общину, наделявшуюся правом пользования зданием храма в богослужебных целях. Храм при Миусском кладбище оставался в ведении обновленцев еще несколько лет³³. Следует отметить, что, несмотря

²⁷ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 4.

²⁸ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 90.

²⁹ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 56, 56 об.

³⁰ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 23.

³¹ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 79.

³² РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 38.

³³ Чернова Е. Л. К истории противостояния патриаршей Церкви и обновленчества в Мо-

на фактический провал обновленческого движения на территории города Москвы и ближайших уездов Московской губернии, именно кладбищенские храмы – традиционно более состоятельные в сравнении с обычными приходскими – в значительном своем числе принадлежали обновленцам.

В ряде случаев прошения о принятии в каноническое общение с патриаршей Церковью подписывались каким-либо священнослужителем единолично. Тогда аргументом часто выдвигалось то, что автор прошения в душе никогда не сочувствовал идеям обновленчества. Настоятель Покровской села Покровского-Брехова Московского уезда священник Александр Богословский сообщал, что под давлением обстоятельств и под влиянием благочинного 3-го округа Московского уезда Николая Цветкова некогда признал внешне за церковную власть ВЦУ, оставаясь при этом по убеждению на стороне власти патриаршей³⁴.

Были и прошения, которые можно отнести к категории курьезных. Так, диакон Иоанно-Богословского храма на Большой Бронной улице в Москве Николай Добролюбов просил патриарха простить его за уклонение в раскол, оставаясь при этом в расколе. Он продолжал состоять в причте обновленческого течения, по его уверению, «никогда не сочувствуя оному»³⁵.

По своему курьезным можно считать бесхитростное прошение приходского собрания и членов причта Троицкого храма в подмосковном Раменском. 16 июля 1923 г. состоялось общее благочинническое собрание, которое постановило выразить перед патриархом свое искреннее раскаяние в том, что раменские прихожане и духовенство в силу сложившихся обстоятельств вынуждены были войти в административное общение с ВЦУ и МЕУ. Теперь, когда во главе Православной Российской Церкви вновь встал патриарх, они декларировали разрыв с ВЦУ как организованном незаконно³⁶. Еще более простодушно выглядит прошение настоятеля Троицкого храма, написанное им на имя патриарха, в котором указывалось, что прежде по предложению настоятеля храма протоиерея Р.И. Смирнова прихожане и приходской совет постановил признать, что раменский приход независим от Высшего Церковного Совета, но теперь, так как освобожден и вступил в управление Русской Церковью патриарх Тихон, то по предложению того же настоятеля протоиерея Смирнова те же верующие выразили желание находиться под верховным управлением патриарха³⁷.

Прощения IV категории

В числе характерных прошений от духовенства и верующих приходов, устоявших перед обновленческим натиском и отнесенных нами к *четвертой группе*, следует упомянуть прошение московского

скве (1923–1924 гг.). // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2014. № 17 (139). С. 81–89.

³⁴ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 43.

³⁵ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 48.

³⁶ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 33.

³⁷ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 29–32.

Христорождественского храма в Палашевском переулке, написанное на имя патриарха Тихона одним из первых – 15 июля 1923 г., вскоре после его освобождения. В нем обращает на себя внимание порядок, в котором перечислены авторы: сначала приходской совет, а уже затем церковный клир и община московской Христорождественской церкви в Палашевском переулке. Церковный совет, судя по всему, ставился на первое место не случайно. Несмотря на то, что в 1920-х гг. церковный совет обладал значительными правами в приходском устройстве, такая последовательность встречается нечасто. В прошении свидетельствовалось, что духовенство и верующие Христорождественского прихода «ни на одну минуту не порывали канонической связи» с патриархом и стояли «на страже истинного Православия». Храм сохранился неповрежденным и чистым, а ВЦУ и ВЦС не поминались на богослужениях³⁸.

От прихода московского Успенского храма на Покровке прошение было подписано исключительно членами церковного совета – причт и прихожане лишь упоминаются в тексте. Приходский совет докладывал, что в их храме служения *красного священства* (курсив мой. – В.Н.) не было³⁹.

Подобное обращение к патриарху было отправлено от имени приходского совета Тихвинской церкви села Бурцева Звенигородского уезда, где утверждалось, что прихожане членами вновь образовавшейся церкви не состояли и не состоят⁴⁰.

Столь же лаконичным было прошение причта и прихожан Спасской церкви села Косякова Бронницкого уезда, которые никогда не склонялись в сторону обновленческих церковных органов⁴¹.

Часто авторами прошений выступали и настоятели. Протоиерей Николай Лавров, настоятель Николаевской церкви села Орлова Московской губернии и уезда, писал на имя епископа Илариона, что причт и церковный совет вверенного ему храма всегда оставались верными и преданными чадами Его Святейшества Патриарха Московского и всея России Тихона и никогда не имели никакого общения с «Живой Церковью»⁴².

Храмам Николо-Перервинского монастыря также удалось противостоять обновленческому движению. В прошении от приходского совета указывалось, что их община не имела ни молитвенного, ни благодатного общения ни с одной из обновленческих групп⁴³. Чего нельзя было сказать про монастырское духовенство, прошение которого мы рассматривали ранее.

В другом подмосковном монастыре – Николо-Пешношском, расположенном в Дмитровском уезде Московской губернии, к обновленчеству не присоединилось и духовенство. Настоятель монастыря игумен Варнава докладывал, что возглавляемая им обитель чудесным образом устояла в тяжкие дни испытаний и ни в каком смысле не уклонилась от истинного пути в угоду новых еретических

³⁸ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 19.

³⁹ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 38.

⁴⁰ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 80.

⁴¹ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 82.

⁴² РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 197. Л. 182, 182 об.

⁴³ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 42.

течений, созданных живоцерковниками⁴⁴. Отметим, что отношение к обновленчеству, как к еретическому течению, было нормой среди православного духовенства и мирян с первых дней его образования.

Относительно подробный рапорт на имя епископа Илариона (Троицкого) об отношении прихожан и причта церкви св. Алексия митрополита Московского в Глинищевском переулке (на Глинищах) составил его настоятель, будущий священноисповедник протоиерей Роман Медведь, который от своего имени и от всего состава причта свидетельствовал, что ко всему обновленческому движению – «Живой Церкви», союзу общин Древлеапостольской Церкви, Церкви Возрождения и пр. – они относятся отрицательно и непримиримо от начала и до конца, ни в какие сношения с ВЦУ, ВЦС и его органами – МЕУ и благочинными не входили, ни от себя, ни от членов причта, ни от храма и общины верующих на нужды ВЦУ, МЕУ ни одной копейки не давали, ни одной бумаги не посылали, анкеты ВЦУ не заполняли, ни в храмах, ни на дому с членами обновленческого движения ни разу молитвенного общения не имели, выборов на «беззаконный собор (сатанинское собрание)» не производили, на новый стиль не переходили, Патриарха Тихона поминали до момента, когда он сам благословил перестать возносить его имя, а теперь за богослужениями стали вновь возносить⁴⁵.

Текст рапорта представляется важным историческим свидетельством того, как в 1923 г. духовенством и верующими понималось уклонение в обновленческий раскол. В нем перечислены практически все возможные формы соучастия в обновленческом расколе, которые активно пропагандировались на приходах. Важной представляется и дата рапорта – 26 июня 1923 г. – одна из самых ранних в подобных документах.

Очевидно, что деятельность обновленцев, направленная на то, чтобы склонить к своему движению максимальное число приходов, была всем известна и широко обсуждалась в среде верующих и духовенства. В ряде прошений сохранились отголоски этих событий. О том, насколько сложно было оставаться верным патриаршей Церкви, свидетельствует рапорт настоятеля Петропавловского храма у Яузских ворот в Москве священника Василия Судницына на имя архиепископа Илариона (Троицкого), в котором говорилось, что ни он, ни приход, состоя на почве «строгого отделения Божия от кесарева, настолько были тверды и решительны, что, *не в пример большинству приходов* (курсив мой. – В.Н.)», официально заявляли о неприятии ВЦУ⁴⁶. Сложно оценивать, насколько точно отец Василий оценивал число приходов, где обновленцам удалось установить свое влияние, – достоверная статистика числа обновленческих приходов в Москве на начало 1923 г. отсутствует, но если рассматривать эту оценку как качественную, каковой она и воспринималась заинтересованным наблюдателем, то, вероятно, можно говорить о том, что обновленческих приходов было, во всяком случае, более половины.

О том, насколько твердой была позиция священника Василия

⁴⁴ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 78.

⁴⁵ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 197. Л. 19–20.

⁴⁶ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 197. Л. 32–33 об.

Судницина, свидетельствует прошение церковного совета и прихожан Петропавловской церкви, где он являлся настоятелем. Они составили свое прошение, причем, в отличие от отца Василия, который писал управляющему Московской епархией, адресовали его патриарху Тихону. Прихожане отмечали, что настоятель действовал независимо от прихода и вполне самостоятельно, заявив в официальной форме в МЕУ, что он не только не признает ВЦУ и все подчинившиеся ему органы церковного управления, но совершенно выходит из состава «официальной Церкви, лживой и политиканствующей»⁴⁷. Иными словами, отец Василий не просто не принимал обновленчество, но был готов оставить Церковь в случае окончательной победы обновленцев. Это весьма резкое заявление было сделано не им лично, но трудно предположить, чтобы члены приходского совета написали свое прошение на имя патриарха без ведома настоятеля.

Иллюстрацией того, что обновленческое движение было раскольническим в буквальном смысле этого слова, может служить ситуация, сложившаяся в селе Алешине Бронницкого уезда Московской губернии. Село было большим, и в нем имелось два храма: Космодемьянский и Иоанно-Богословский. Приход Космодемьянского храма не поддавался давлению со стороны обновленцев и сохранил верность патриаршей Церкви. В прошении настоятеля храма священника Вячеслава Муравьева на имя патриарха говорилось, что со времени управления церковными делами обновленцами он и приходская община активного действия в делах обновленцев не принимали и всегда признавали «главою Церкви только Его Святейшество»⁴⁸.

В это же самое время в соседнем с Космодемьянским Иоанно-Богословском храме обновленцы добились успеха, что следует из аналогичного прошения его настоятеля, который каялся перед патриархом в том, что он совместно со всем приходом, «как и большинство духовенства», лишь внешним образом подчинился образовавшейся группе «Живой Церкви» и выполнял ее распоряжения, хотя и не проявляя активного участия в обновленческом движении⁴⁹. Несмотря на целенаправленные попытки автора (архивные изыскания и интервьюирование местных жителей) выяснить, в каких отношениях в 1922–1923 гг. находились оба прихода, прямых свидетельств обнаружить не удалось, но, ориентируясь на аналогичные коллизии в иных населенных пунктах, можно сделать вывод о том, что принадлежность близко расположенных приходов к обновленчеству и патриаршей Церкви зачастую создавала почву для конфликтов.

Отношение верующих к обновленческому движению

Анализ рассмотренных документов позволяет сделать ряд выводов об отношении верующих патриаршей Церкви к новому для них обновленческому течению.

Прежде всего обращает на себя внимание, что значительная (если не большая) часть уклонившихся в раскол священнослужителей

⁴⁷ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 197. Л. 31, 31 об.

⁴⁸ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 85.

⁴⁹ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 92.

объясняют это неосведомленностью – полной или частичной – о целях обновленчества и его отношении к существовавшему до ареста патриарха Тихона церковному устройству. Более того, в ряде прошений прямо говорится, что решение о подчинении обновленческой иерархии зачастую принималось в силу укоренившихся представлений о церковной дисциплине, а обновленцы, сознательно вводя в заблуждение плохо информированных сельских священников, представляли себя как вполне легитимное церковноначалие после «отречения» патриарха. Именно на привычку к подчинению церковноначалию, выработанную в течение столетий, делали ставку обновленцы, привлекая к себе духовенство. Имелись, разумеется, и иные рычаги давления, включая прямые угрозы арестом за неподчинение.

Следствием уклонения духовенства в обновленческий раскол, в силу привычного подчинения новой иерархии, стали множественные конфликты причта с прихожанами, позицию которых озвучивал и персонифицировал церковный приходской совет. Необходимо иметь в виду, что в рассматриваемый период роль приходского совета была довольно велика и именно от его решения зависели многие обстоятельства жизни прихода, не говоря уже об определенной зависимости от совета положения приходского духовенства. В ряде прошений, приводимых в настоящем параграфе, в числе причин уклонения духовенства в раскол эта зависимость священнослужителей от приходских советов отмечалась как фактор, повлиявший на их решение.

Приходские советы, в отличие от духовенства, не имели сформировавшейся привычки беспрекословной покорности церковноначалию, поэтому в решении вопроса о подчинении или неподчинении обновленческой иерархии руководствовались соображениями, лежавшими в иной плоскости. Эти соображения в значительной степени базировались на тяготении к традиции, а обновленчество воспринималось как сила, направленная на ее разрушение. Сказанное не означает наличие такой позиции у всех приходов и приходских советов, но лишь определяет выраженную тенденцию.

Кроме того, в ряде рассмотренных документов явно прослеживается бытующее в народе и, судя по всему, характерное для большинства верующих отношение к обновленчеству как к странному новому церковному движению, обслуживавшему интересы большевиков, которые с первых дней прихода к власти никогда не скрывали своего отношения к религии и Церкви. Не случайно в прошениях постоянно встречаются выражения «красное священство», «красная церковь», содержащие явные отрицательные коннотации. По мнению просителей, зайти в «красную часовню» заказать молебен может кто-то лишь «по ошибке», обновленческий собор 1923 г. называют «беззаконным сатанинским сборищем», а обновленческую иерархию – «официальной Церковью – лживой и политиканствующей»⁵⁰, и с такими оценками трудно не согласиться. Таким образом, раскольническая и провластная суть обновленчества, несмотря на все попытки представить его как прогрессивное православное обновление, была понятна всем, не исключая и само духовенство,

⁵⁰ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 81, 81 об.

ибо странно было бы ожидать каких-либо иллюзий у образованных священнослужителей, когда простым и часто малограмотным верующим это было очевидно. Это дает основание для утверждения, что идеологическая составляющая обновленческого раскола была очевидна для верующих и духовенства с первых месяцев его организации.

Такое положение дел неизбежно приводило к внутрприходским конфликтам, в которых провластную сторону зачастую занимало духовенство, а церковный совет стоял на позициях верности патриаршей Церкви.

Первые последствия обновленческого раскола

В контексте анализа антицерковной направленности обновленческого движения представляет интерес то, каким образом приходская жизнь налаживалась после массового возвращения в лоно Церкви духовенства и приходов, уклонившихся в обновленчество, а сама Церковь восстанавливалась после первой пропагандистской атаки, имевшей целью ее раскол. Уклонение в обновленчество церковных приходов целиком, а иногда только духовенства, но не прихожан часто объяснялось тем, что в силу ряда причин (отсутствия надежной связи, отдаленности от центра, неполной информации и пр.) они не имели надежных сведений о происходивших в Церкви процессах, а также отсутствием внятных инструкций, как именно следует поступать и чье мнение придерживаться. Насколько обоснованными были такие объяснения в каждом конкретном случае, сказать трудно, но можно утверждать, что в некоторых прошениях, отправленных, правда, уже после июня 1923 г., то есть после освобождения патриарха Тихона, содержались конкретные вопросы, связанные с тем, как организовывать церковную жизнь в новых условиях. Почти на всех прошениях, в которых встречаются такого рода вопросы, имеется резолюция управляющего Московской епархией епископа Илариона (Троицкого).

Подробно описывая положение дел в благочинии одного из церковных округов Дмитровского уезда Московской губернии, протоиерей Сергей Уклонский сообщает, что большинство священников вверенных ему церковью выразили желание покаяться в поддержке обновленческого движения (к его прошению приложены их заявления). Однако остались и такие, которые продолжали упорствовать в своем отпадении от единой православной Церкви и пребывали в единении с новой церковной властью, несмотря на письменные предложения им принести покаяние в своем отпадении, при том, что он, протоиерей Уклонский, их увещевал. Между тем прихожане храмов, в которых служили обновленцы, не желали обращаться к ним для исправления треб. Донося о таком положении в подведомственном ему благочинии, отец Сергей Уклонский просил указаний, каким должно быть отношение членов причта и прихожан к тем священноцерковнослужителям, которые нарушили единение и мир и не стремятся к его восстановлению, а также как должны поступать те священно- и церковнослужители, к которым обращаются прихожане с просьбами об удовлетворении своих религиозных нужд,

не желающие обращаться с этим к обновленцам⁵¹. 30 августа 1923 г. епископ Иларион наложил резолюцию, которой распорядился всем православным священникам и церковнослужителям воздерживаться от совместного богослужения с пребывающими в расколе. В части исполнения треб велел удовлетворять прошения прихожан другими священниками незамедлительно.

Соседняя с Московской Тульская губерния была поражена обновленческим движением в большей степени по сравнению с первой, но оперативной связи с Донским монастырем, ставшим резиденцией патриарха, была лишена. Это, а также и то, что в Тульской епархии «не было установлено каноничного церковного управления», заставило настоятеля Преображенского храма города Епифани протоиерея Евсевия Гастева обратиться с целым списком вопросов к управляющему Московской епархией. Во-первых, можно и должно ли при церковном богослужении впредь до особых распоряжений помянуть Святейшего Патриарха Тихона? Поставленный вопрос был продиктован запрещением обновленческого Тульского епархиального управления (ТЕУ) помянуть патриарха под угрозой суровой кары. Во-вторых, какие шаги предпринимать в случае увольнения ТЕУ за штат непокорных ему священников, не вошедших в группу «Живой Церкви», «виновных лишь за свою верность православию и канонам Церкви»? Решение этого вопроса не терпело отлагательства, так как в июне 1923 г. ТЕУ предъявило всем, еще не вступившим в группу «Живой Церкви», ультимативное требование войти в таковую в 14-дневный срок под угрозой увольнения за штат в случае несогласия. При этом только отец Евсевий и еще один тульский протоиерей заявили решительный отказ от сотрудничества с обновленцами. И, наконец, в-третьих, можно ли отдельным пастырям и приходам в создавшейся обстановке, временно прекратив общение с Епархиальным управлением, вступить в общение с православными епископами другой епархии, например Московской? И можно ли ожидать в самом ближайшем времени организации епископального управления в Тульской области?⁵²

Список вопросов выразительно рисует картину церковной жизни в Тульской епархии и губернии, часть которой вскоре войдет в состав Московской, вместе с городом Епифанью, будущим центром Епифанского района Московской области.

Своей резолюцией епископ Иларион определил, что имя патриарха Тихона следует возносить во всех православных храмах, как это происходит в Москве. Однако, учитывая, что церковная власть в Тульской епархии принадлежит местному самозваному ТЕУ – органу обновленческому, постановления которого не имеют никакой силы для православного духовенства, возношение имени патриарха обязательно и в православных храмах Тульской епархии, тем более что «последний декрет Совет. власти» гласит, что никакие церковные управления не имеют права вмешиваться в дела общин⁵³. Заканчивалась резолюция обещанием назначения в Тулу епископа.

Приведенные вопросы православного духовенства свидетельству-

⁵¹ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 65–66 об.

⁵² РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 197. Л. 8–9 об.

⁵³ Там же.

ют о серьезных нарушениях в системе церковного устройства, вызванных внедрением в церковную среду обновленческих порядков. Всего за один год был нарушен не только стройный церковный порядок, но также и богослужебная практика претерпевала изменения, зачастую остававшиеся непонятными для духовенства и верующих. По причине определенной инертности церковного механизма и одновременно ненадежности средств коммуникации приходское духовенство оказывалось в информационном вакууме, когда известия о переменах в высшем церковном руководстве до него доходили, но как конкретно следует на них реагировать, оставалось непонятным.

Донысы на священнослужителей как следствие глубокого внутреннего раскола на приходах

Осенью 1923 г. тематика прошений на имя патриарха и управляющего Московской епархией постепенно меняется, и заметное место в общем числе обращений начинают занимать фактические доносы на священнослужителей, уклонившихся в обновленческий раскол. Сохранился подробный доклад управляющему Московской епархией некоего диакона Виктора Беляева, в котором он подробно перечисляет известных ему отступников с краткими характеристиками, в чем именно это отступничество выражалось:

«Довожу до вашего сведения случай с Василием Скворцовым: 22 июня... служил у них бывш. протоиерей Морозов, который хотел помянуть Святейшего. Василий же заявил ему, что если он помянет б. патриарха, то он (Василий) уйдет сейчас же из храма. Позволю себе сделать сообщение об окрестных церквях, что знаю, и о которых знаю, не с целью их наказания, но с целью назидания, чтобы впредь не повадно было.

Иоанна Предтечи на <неразб.> у Чугунного моста. Поминали Антонина, Высшее Ц.У. и все распоряжения его. Покрова в Чашках – прот. Скворцов был членом М.Е.В., благочинным, грозил всем за неподчинение В.Ц.У. Троицы-Вешняки – Страхов получил литературу от М.Е.В. Михаила-Архангела в Овчинниках. Выполняли все распоряжения М.Е.В. и заполняли все анкеты. Космы и Дамиана в Садовниках священник Знаменский был благочинным, грозил меня выслать из Москвы, лишить сана за непризнание В.Ц.У., но он не на того напал, меня не сослал, а сам по второму <неразб.> в Сокольниках <неразб.> ярый живоцерковник. Николо-Кузнецкий – прот. Померанцев, подчинявшийся ВЦУ, шкурник низкой пробы.

Еще раз говорю, что пишу все это не для зла (я уверен, что за малым исключением все будут прощены), а чтобы им впредь не повадно было. Но Василия Скворцова, как злостного обновленца, откровенно говорю, хотел бы отнести к «малому исключению». Сегодня (в субботу) он сказал, что святейший для него – <просто> Василий Белафин⁵⁴.

Перед поздней обедней представители от прихожан вошли в алтарь и заявили Василию Скворцову, что желают помянуть Святейшего, а он ответил: «Не позволю. Он должен быть восстановлен собором». Тогда один прихожанин говорит протоиерею Морозову

⁵⁴ Мирское имя патриарха Тихона – Василий Иванович Белафин.

(приглашенному): «На мою ответственность поминайте», но Василий Скворцов, снимая облачение, заявил, что в таком случае служить не будет. Мирянам пока пришлось уйти ни с чем.

Все это мне передало лицо, имевшее этот разговор с Василием Скворцовым, которое просило у меня совета, как быть, на что, конечно, мною дан был совет: «Гнать в шею всех общим собранием»⁵⁵.

Донос диакона Виктора Беляева, сделанный им «не для зла», является одним из самых ранних и одновременно выразительных последствий фактического раскола в Церкви, произведенного обновленческим движением. Тот факт, что священнослужитель требует у церковноначалия наказания для уклонившихся в раскол, сам по себе свидетельствует об успехе антирелигиозной пропаганды, насаждавшейся через обновленчество. Автор доноса понимает, что все перечисленные им лица будут прощены, о чем он пишет с очевидным неудовольствием. Не касаясь особенностей личности диакона, следует отметить, что в Церкви, как в любом сообществе, есть и будут люди, внутренне готовые к такого рода поступкам. Но в здоровом коллективе их деятельность не поощряется или, во всяком случае, ограничивается, а в больном – проявляется ярко и носит разрушительный характер. Обновленческий раскол ослабил Церковь, и доносы на священников на некоторое время стали системой.

Церковный совет Елизаветинского кладбищенского храма в Дорогомилове, о котором говорилось выше, пишет прошение на имя патриарха с просьбой не верить в покаяние клириков храма. Это еще одна степень разлагающего влияния обновленческого движения. Духовенство раскаивается перед церковноначалием, но прихожане не считают это достаточным. Они требуют всенародного покаяния, что вскоре станет сложившейся формой отхода от обновленчества, а до тех пор прихожане предлагают считать раскаяние духовенства «ложью и обманом»⁵⁶.

Церковный совет Параскевиевской церкви у речки Березовки Богородского уезда Московской губернии докладывал епископу Илариону (Троицкому), что настоятель их храма протоиерей Михаил Воронцов, поняв, что приходской совет выразил нежелание уклоняться в обновленчество, предпринял попытку расформировать прежний совет и зарегистрировать новый, обновленческий. Для этого он, собрав своих последователей, представил протокол учредителей, засвидетельствованный Владимиром Красницким⁵⁷ вместе с мандатом «Живой Церкви», выданным 2 февраля 1923 г. По свидетельству прихожан, протоиерей Воронцов в речах, докладах и беседах с прихожанами поносил имя патриарха, утверждал, что патриарх якобы «залил кровью всю Русскую Церковь». В связи с этим церковный совет Параскевиевского храма просил управляющего Московской епархией воздержаться от принятия его в общение⁵⁸.

⁵⁵ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 197. Л. 2–3.

⁵⁶ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 197. Л. 59, 59 об.

⁵⁷ Красницкий В.Д. (1881–1936) – один из видных деятелей обновленчества.

⁵⁸ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 197. Л. 77, 77 об.

Заключение

Приведенные документы позволяют подвести итоги обновленческого раскола на приходском уровне в Московской области. Они свидетельствуют о том, что обновленческое движение, направленное на раскол Церкви, начало терять свои позиции уже через год после своего образования. Важным моментом представляется то, что описанные случаи отхода от обновленчества происходили повсеместно, и, несмотря на различие причин уклонения в раскол, общим желанием духовенства и верующих многочисленных приходов стало возвращение в лоно Церкви. Следует обратить внимание и на то, что прихожане в лице членов церковных советов выступали в роли обличителей своих нестойких священнослужителей, что свидетельствовало, с одной стороны, об образовавшемся глубоком кризисе доверия к духовенству на приходском уровне, а с другой – о том, что приходы во главе с приходскими советами оказывались силой, способной противостоять идеологическим нападкам новой власти более эффективно, нежели духовенство. Последнее обстоятельство делало приходы и главным образом их целостность, монолитность главной целью большевиков в деле разрушения Церкви.

Массовый выход приходов из обновленческой юрисдикции в начале 1920-х гг. не стал причиной для ослабления поддержки властями обновленчества как идеологического оружия против их целостности. Напротив, те храмы, приходы которых так и не вернулись в лоно патриаршей Церкви, не испытывали нарастающего давления, характерного для 1920-х гг., хотя и не сумели избежать закрытия в 1930-х гг.⁵⁹ Более того, даже приходы, которые объявили о своем разрыве с обновленцами, но среди членов которых не было единства, через некоторое время вновь оказались присоединенными к расколу. Примером такого полунасиленного присоединения стал Софийский храм на Миусском кладбище в Москве⁶⁰.

Обреченность обновленческого движения стала осознаваться властями уже в начале 1923 г., а события, развернувшиеся в приходах, по разным причинам ненадолго перешедших в обновленческую юрисдикцию, после освобождения патриарха Тихона продемонстрировали провал «красной церкви» окончательно. Об этом писал в своем докладе на имя начальника Административного отдела Моссовета инструктор В.В. Фортунатов, отметив, что после освобождения патриарха Тихона обновленчество пошло на убыль. Служители культа, светские верующие люди почти все перешли на его сторону, не веря в его чистосердечное раскаяние перед властью и видя в нем, безусловно, политического вождя в рясе. Обновленческих служителей культа осталось незначительное количество, многие из них были контрреволюционными верующими выгнаны из храмов⁶¹. Эту оценку положения дел с обновленческим движением В.В. Фортунатов дает 23

⁵⁹ Никонов В. В., Новак Вячеслав, иер. Храм Преображения Господня в Люберцах. в 2 т. Т. 2. М.: Кунай-колодец, 2020. С. 49–74.

⁶⁰ Чернова Е. Л. К истории противостояния патриаршей Церкви и обновленчества в Москве (1923–1924 гг.). // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2014. № 17 (139). С. 81–89.

⁶¹ ЦГАМО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 157. Л. 31 об.

декабря 1923 г. – в конце периода, который может считаться временем утверждения обновленчества. От этой точки и до момента окончательного прекращения существования раскола будет наблюдаться его постоянный спад.

Библиография

1. Архивы Кремля. в 2-х кн. / Кн. 1. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. М., 1997.
2. РГИА. Ф. 831. Канцелярия патриарха Тихона и Священного Синода
3. ЦГАМО. Ф. 19. Административный отдел Московского Совета РК и КД
4. Никонов В. В. Политика советского государства в отношении православных церковных приходов в Московской губернии/области в 1918–1958 гг.»: дисс. ... д-ра ист наук: 5.6.1. / Никонов Вадим Вадимович. Москва, 2024. – 765 с. 2024 г.
5. Никонов В. В., Новак Вячеслав, иер. Храм Преображения Господня в Люберцах. в 2 т. Т. 2. М.: Кунай-колодец, 2020.
6. Никонов В. В., Шабанова И. Е. Покровский храм с. Игумнова Раменского района. Исторический очерк. Гжель: ГГУ, 2015.
7. Чернова Е. Л. К истории противостояния патриаршей Церкви и обновленчества в Москве (1923–1924 гг.). // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2014. № 17 (139). С. 81–89.
8. Чернова Е. Л. На пути к обновленческому поместному собору 1923 г.: к истории подчинения Московских приходов // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2013. № 9 (110). С. 135–144.
9. Чернова Е. Л. Распространение обновленчества в Москве в 1920-е годы: топографический аспект // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2012. № 6 (86). С. 121–133.

Nikonov V. V.

THE RETURN TO THE BOSOM OF THE CHURCH IN 1923 OF THE PARISHES OF THE MOSCOW PROVINCE, WHICH HAD DEVIATED INTO THE RENOVATIONIST SCHISM

Annotation. The article examines under what circumstances the clergy, the parish councils and the parishioners who had deviated into the Renovationist schism returned to the bosom of the Patriarchal Church again. The mass involvement of the parishes into the Renovationist movement took place in the period from May 1922 to June 1923, when Patriarch Tikhon having been released from arrest came back to be in charge of the Church. Analyzing the petitions addressed to the Patriarch and the Vicar of the Moscow Diocese, Hilarion (Troitsky), allows us to reconstruct the methods of involving the clergy and the believers into the Renovationist schism. The author concludes that the Renovationist movement, aimed at destroying the integrity of the Church, has achieved its goal to a certain extent, splitting a significant part of the parishes from within, inspiring

conflict situations between the clergy and the parishioners in relation to the so-called "red church".

Keywords: Renovationist schism, Orthodox Parish, Parish Council, Patriarch Tikhon, Red Church.

About the author: Nikonov Vadim Vadimovich – Doctor of Historical Sciences, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Church History at Kolomna Theological Seminary, Associate Professor of the Department of History and Organization of Archival Affairs at the Russian State University for the Humanities (nikonova-box2009@yandex.ru).